

ТРОПИНКА

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ.

№ 8
15 АПРѢЛЯ

1906

1906 годъ.

Апрѣль № 8.

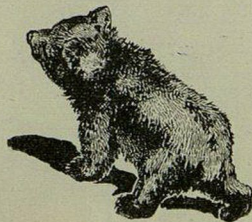
ЖУРНАЛЬ

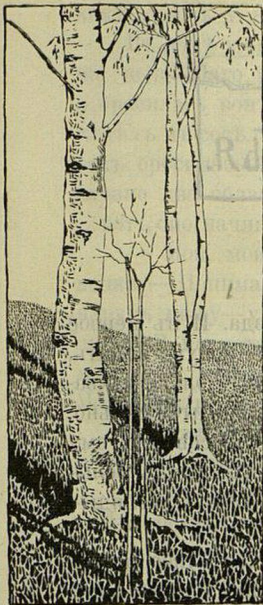
ТРОПИИКА.

Содержаніе.

1. Поденѣжникъ—стихотвореніе *Allegro*. Съ рисункомъ автора.
2. Исторія одного воробья—разсказъ *М. С. Безобразовой*. Съ 3 рисунками.
3. Сказка о Медвѣдѣ, трехъ сестрахъ и Зайчикѣ Иванычѣ—*А. Ремизова*. Съ 9 рисунками *Т. Гуніусъ*.
4. Ночь и день—стихотвореніе *Allegro*. Съ 2 рисунками автора.
5. Переселеніе—разсказъ *Д. Потьмина*.
6. Рѣшеніе задачъ, помѣщенныхъ въ 6-мъ №.

Поденѣжникъ.

ВЪ САДУ, гдѣ березки столпились гурьбой,
Поденѣжника глянулъ глазокъ голубой.
Сперва понемножку
Зеленую выставилъ ножку,
Потомъ потянулся изъ всѣхъ своихъ маленькихъ силъ
И тихо спросилъ:
— Я вижу, погода тепла и ясна;
Скажите, вѣдь правда, что это весна?

Allegro.

О НА началась трагически, онъ выпалъ изъ гнѣзда. И въ первое мгновенье подумалъ: конецъ. Но въ слѣдующее—почувствовалъ, что упалъ на что-то мягкое, совѣмъ даже не больно, только захватило духъ, а теперь и дышать легко, только сердце колотится сильно. Рѣшилъ открыть глаза,—лежитъ на какомъ-то сѣромъ, совѣмъ ему незнакомомъ предметѣ, а предметъ этотъ—на лужайкѣ передъ большимъ бѣлымъ домомъ, въ окно котораго онъ такъ любилъ заглядывать изъ гнѣзда, забывая всякую осторожность.

— И въ кого такой уродился, — ворчала воробиха. — Еще летать не умѣеть, а все-то ему надо знать да видѣть; и страху на него нѣтъ никакого. Куда тянешься? Вывалишься, тогда и увидишь.

Вотъ и вывалился!

Они тамъ думаютъ, что я, можетъ быть, ужъ не живъ, надо по-

дать имъ голосъ. И выпавшій изъ вѣхъ силъ принялся пищать, такъ какъ голосъ у него былъ еще совсѣмъ дѣтскій.

Въ домѣ у окна стояла маленькая дѣвочка и, не отрываясь, смотрѣла на выпавшаго воробья. Когда онъ запищалъ, она сорвалась съ мѣста и бросилась вонъ изъ дому, за нею ея братъ. Онъ передъ тѣмъ смирно сидѣлъ въ сосѣдней комнатѣ, но ему показалось подозрительнымъ, куда такъ бросилась бѣжать сестра. Воробушекъ увидалъ, что на него несутся словно два облачка, бѣлое и голубое, пересталъ пищать и подумалъ: — вотъ оно, начинается. Что-то будетъ? Что-то будетъ? Ужасно любопытно.

— Мой, мой! — задыхаясь выкрикивала подбѣжавшая первой дѣвочка. — Понимаешь, мой! Я первая его увидала, смотрѣла на гнѣздо, вдругъ вижу — упалъ! Думала, расшибся, слышу — пищить, какая прелесть! И посмотрите, Господи, на моей юбкѣ! Теперь ужъ мой, совсѣмъ мой! Онъ, можетъ быть, расшибся-бы до смерти, а юбка такая мягкая. Моя юбка его спасла!

— Вздоръ говоришь, тутъ вездѣ мягко, потому что трава; причемъ тутъ твоя юбка?

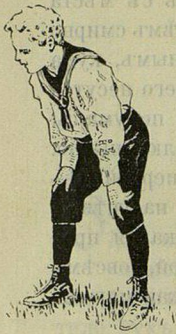
— Въ травѣ могутъ быть камни и мало-ли еще что... Оставь, не смѣй трогать, онъ мой!

— Задушишь! Развѣ такъ можно крѣпко держать. Дай посмотреть.

— Я не крѣпко, только вотъ разокъ поцѣлую. Господи, какъ у него сердце бьется. —

Дѣйствительно, сердце у воробушка колотилось сильно, онъ никогда не слыхалъ такъ близко такого крика, закрылъ опять глаза и опять

мелькнула мысль: не теперь-ли конецъ? Но нѣтъ, на него такъ нѣжно, ласково дышать. Опять открылъ глаза, дѣвочка близко-близко смотритъ на него; лицо огромное, совсѣмъ непохожее ни на кого изъ его родныхъ и знакомыхъ, но милое, и совсѣмъ ему не страшно. Онъ выпросталъ немного голову изъ руки дѣвочки и звонко пискнулъ.

— Вотъ онъ ужъ пищитъ, потому что ты его душишь.

— Не душу, неправда! Не дамъ!

Дѣвочка стала вся красная и начала дрожать, что у нея было признакомъ крайняго волненія.

— *En bien, qu'est ce qu'il-y-a? Mais qu'est ce qu'il-y-a?* — раздалось съ террасы, и французенка-бонна, махая руками, бѣжала къ дѣтямъ.

— Вотъ теперь пойдетъ „*qu'est ce qu'il-y-a*“ тысячу разъ, а воробушекъ тѣмъ временемъ умереть, — заявилъ мальчикъ.

— Почему умереть? Всегда ужасы говоришь!

И, чуть не плача, дѣвочка обратилась къ французенкѣ. Та разсудила такъ:

— Разъ что Надя первая увидала и прибѣжала, птичка ея, но такъ какъ Надя уже большая дѣвочка, она сама можетъ отлично понимать, что всякому живому существу дорога прежде всего его свобода, и нужно посмотреѣть, не можетъ-ли воробей летать; если можетъ, пусть летитъ, куда хочетъ.

— Нѣтъ, не умѣеть еще, не можетъ еще летать, ужъ я знаю,— шептала Надя однако съѣла на корточки и пустила воробушка на свою юбку. Тотъ слегка отряхнулся, оправился, (онъ сознавалъ, что минута была важная) собралъ все силы, взмахнулъ крыльями и... не полетѣлъ, а, сдѣлавъ нѣсколько странныхъ прыжковъ, причемъ каждый разъ ему удавалось подняться надъ землей не выше четверти аршина, шлепнулся въ траву.

— Нѣтъ, положительно, летать я еще не умѣю,— рѣшилъ онъ и, желая выразить это людямъ, сталъ усиленно пищать и трепетать крыльями.

— Вотъ я говорила, не умѣеть,—ликовала Надя.

— А можетъ быть его мать возьметъ назадъ въ гнѣздо,—нерѣшительно замѣтилъ мальчикъ. — Вонъ, смотрите, летаютъ и тоже какъ пищать!

Дѣйствительно, мать и отецъ кружились тутъ же, желая видѣть какая судьба постигнетъ ихъ маленькаго сына, но они знали, что взять его въ гнѣздо у нихъ не хватитъ силъ.

— Не бойтесь за меня!—во все горлышко кричалъ имъ сынъ,—меня возьмутъ къ себѣ люди, о которыхъ вы мнѣ столько разсказывали, мнѣ ни капли не страшно, только любопытно, эти кажется, очень милые...

— Надя права,—заявила французенка,—онъ не умѣеть еще летать, и родители не могутъ его взять назадъ въ гнѣздо. Надо его покормить, онъ навѣрно голоденъ, оттого все и пищитъ. Мы назовемъ его Пикомъ. О, такой хорошенькій, маленькій Пикъ! Только объясните

мнѣ, пожалуйста, Надья, почему это ваша новая юбка тутъ очутилась? Это ужъ лишнее, и я не могу этого позволить.

— Ахъ, юбка, это такъ все хорошо вышло! Я ее немного запачкала, такъ, одно пятнышко, и застирала сама, и повѣсила посушить, а вѣтеръ сдулъ, и воробушекъ упалъ прямо на эти мягкія складки, и потому не расшибся.

— Ну, пошла! Эти дѣвчонки со своими юбками!— съ нѣкоторымъ презрѣніемъ замѣтилъ братъ.

Но досада его на то, что воробушекъ достался не ему, скоро совсѣмъ прошла, онъ не умѣлъ долго дуться или сердиться; кромѣ того, въ глубинѣ души, онъ отлично сознавалъ, что Надя имѣетъ больше правъ, и даже юбка, кто ее знаетъ, можетъ быть дѣйствительно оберегла Пика. Самое главное, Пикъ остается у нихъ, они будутъ его кормить, онъ на ихъ глазахъ станеть расти, учиться летать, хорошо!

На чердакѣ съ незапамятныхъ временъ валялась старая клѣтка, когда-то служившая помѣщеніемъ для попугая, и вотъ въ этой-то клѣткѣ былъ теперь водворенъ Пикъ.

— *C'est cela!*—довольнымъ тономъ заявила француженка, — пока этотъ маленькій Пикъ не умѣетъ еще летать, клѣтка лучше всего обережетъ его отъ всякихъ опасностей, а когда онъ совсѣмъ выростетъ, Надья сама не захочетъ держать его въ плѣну.

— Выростетъ, конечно улетитъ, — рѣшилъ Юра, — свобода прежде всего.

— Ну, хорошо, хорошо!—вспыхнула Надя.—Можетъ, и не улетитъ, привыкнетъ, полюбитъ насъ и останется.

— Въ клѣткѣ?

— Не въ клѣткѣ, а такъ!

— Какъ „такъ“? Нѣтъ, Надежда, ты глупа,— заявилъ Юра, иногда въ серьезныя минуты жизни называвшій сестру полнымъ именемъ.

Но Надя такъ была поглощена Пикомъ, что, на этотъ разъ не обратила никакого вниманія ни на „Надежда“, ни на „глупа“.

Что-то будетъ? Что-то будетъ?—думалъ Пикъ вечеромъ того-же дня, засыпая въ попугаевой клѣткѣ.—Очевидно, я попалъ къ прекраснымъ людямъ, а эта дѣвочка въ бѣломъ, которая такъ нѣжно цѣловала меня и потомъ такъ хорошо на меня дышала, когда при закатѣ солнца мнѣ что-то вдругъ стало холодно и какъ будто немного не по себѣ, она положительно нѣкоторыми манерами напоминаетъ мнѣ мать. Да, конечно, грустно немного по матери и отцу, грустно по всеѣмъ своимъ, но я не на вѣки разлученъ съ ними, еще сегодня вечеромъ, когда клѣтку вынесли подъ дерево и выпустили меня на траву, я видѣлъ мать и отца, слышалъ издали разговоръ сестеръ и братьевъ. Да, а гнѣздо, очевидно, стало для насъ всеѣхъ тѣсно, оттого я и выпалъ.—

Пикъ даже поразился, какъ эта мысль раньше не пришла ему въ голову.

Конечно, тѣсно, и хорошо, что выпалъ именно онъ, другіе такіе пугливые, отъ одного страху могло бы кончиться плохо, а ему только любопытно. Непремѣнно надо завтра же сказать это своимъ, да и еще что-то,— но тутъ все спуталось въ головѣ Пика, и онъ заснулъ, такъ и не вспомнивъ, что же „еще“.

А родители его въ эту ночь заснули гораздо позднѣе, чѣмъ это полагается обыкновенно воробьямъ, все являлись родственники и знакомые выразить свое соболѣзнованіе, причемъ большинство не столько успокоило и утѣшило, сколько раздосадовало и растревожило. Какъ-то нехорошо охали и ахали и поддукали всякія шпильки.

— Охъ, онъ у васъ и раньше-то былъ какой-то несуразный, все любилъ соваться, куда не слѣдовало, чуть выдупился, сейчасъ ему надо все видѣть, да знать, какъ и что.

— Не несуразный, а очень впечатлительный и любопытный, это простительно въ юности, — уже спавшимъ отъ усталости голосомъ оправдывала сына воробиха-мать.

— 'Ахъ, нѣтъ, милая,—подхватила другая сосѣдка, при чемъ тутъ любопытство? Прежде всего нужно послушаніе, а вы сами говорили, что много разъ предупреждали его, а онъ не слушалъ; что же вы хотите послѣ этого?

— Я всегда говорилъ, въ воспитаніи главное система,—заявилъ

четвероюродный дядюшка съ бѣльмомъ на глазу,—но кузина никогда не признавала системы.

— Но, Боже мой, приче́мъ тутъ ваша система!—крикнула воробыха.—И что ужъ тутъ говорить безъ конца; что случилось, то случилось. Не пора ли по домамъ? Вѣдь ужъ давно вѣ́мъ спать пора.—

Послѣ этого замѣчанія вся компанія рѣшила, что долѣе оставаться неловко, и стала прощаться.

— Кажется, они тебя только еще больше растревожили?—заглядывая на мужа, спросила воробыха, когда они, наконецъ, остались одни.

— Ну, что-жъ дѣлать, приходится въ жизни всякое терпѣть. Я надѣюсь, что *тому* будетъ недурно у этихъ людей, и полагаю, они не станутъ стѣнять его свободы, когда у него выростутъ крылья. А пока что, намъ слѣдуетъ успокоиться и постараться хорошенько выспаться, а то могутъ пострадать и тѣ, другіе,—склонивъ голову на бокъ, указала воробей на остальныхъ своихъ дѣтей, спавшихъ самымъ мирнымъ сномъ. И воробьи-родители послѣдовали ихъ примѣру.

II.

— Да, знаете, мама, я увѣренъ, что рѣшительно никто не виновать въ томъ, что я выпалъ,—заявилъ на другой день Пикъ, когда

Надя выпустила его на лужайкѣ подь деревомъ, и воробиха, увидавъ это, слетѣла на свиданіе съ сыномъ и прыгала тутъ же по близости.

— Тише, не кричи такъ! Какъ это никто не при чемъ?

— Такъ, Гнѣздо стало тѣсно для всѣхъ насъ.

— Молчи! Ты ровно еще ничего не понимаешь.

— Я понимаю.

— Нѣтъ, каково это родителямъ слышать, что сыну стало тѣсно въ родномъ гнѣздѣ? Почему же другимъ не тѣсно? Да, ужъ, правда: вотъ, послушалъ бы, что вечера говорили!

— Что говорили?

— А то, что я тебя избаловала, что ты непослушный. Дядюшка съ бѣльмомъ опять попрекалъ, что я воспитывать не умѣю!

— Ахъ, что дядюшка, онъ ничего ужъ не слышитъ и не видитъ со своимъ бѣльмомъ, вѣдь онъ непомѣрно старъ.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, до чего ты дерзокъ! Правда, видно, избаловала я тебя, неблагодарный ты!

— Ахъ, нѣтъ, все, что хотите, только не думайте, что я не благодаренъ! Вотъ увидите! Дайте мнѣ только вырасти, тогда посмотрите.

— Чего тамъ смотрѣть! Я вотъ смотрю, что тебѣ, кажется, прекрасно живется въ твоёмъ новомъ положеніи.

— Да, я доволенъ, и нахожу, что вообще жизнь такъ любопытна...

— И не жаль тебѣ ни капли ни насъ, ни гнѣзда? съ людьми лучше, въ клѣткѣ просторнѣй?

— Я не всегда въ клѣткѣ, — нѣсколько обидѣвшись, проговорилъ Пикъ, — а временно, пока я не научился летать, люди говорятъ — клѣтка необходима, и я съ ними согласенъ: вы, вѣрно, видѣли черную кошку съ сосѣдняго двора? Вчера она долго смотрѣла на меня, ужасно неприятный взглядъ! И походка мнѣ ея не нравится.

— Ну это, положимъ, вполне естественно, а вотъ многое другое меня въ тебѣ поражаетъ; и въ кого ты такой уродился? Право, приходится на мысль, ужъ не подложили-ли какъ яйца!

— Ну, вотъ! Сами говорили, что у меня хохолокъ двѣ капли воды, какъ у отца. Я несомнѣнно вашъ сынъ, но прежде всего, я думаю, я Божій, какъ мы веѣ; кромѣ того, моя жизнь дана мнѣ, чтобы я самъ ее прожилъ, какъ умѣю, какъ могу и хочу, а хочу я по хорошему.

— Ну, довольно, довольно! Ты слишкомъ рано сталъ разсуждать, а изъ этого никогда не выходитъ толку. Прощай, мнѣ пора въ гнѣздо. — Пикъ посмотрѣлъ ей велѣдъ, потомъ на бузину, гдѣ, нахохлившись, сидѣлъ отецъ.

— Не дай Богъ, чтобы онъ расхворался изъ-за того, что я выпалъ вчера, — тоскливо подумалъ Пикъ и хотѣлъ было уже запрыгать къ бузинѣ, но Надя схватила его и понесла домой.

Дни шли за днями и съ каждымъ днемъ Пикъ открывалъ все новые интересы и красоты въ жизни; все его привлекало и

возбуждало крайнее любопытство, которое онъ спѣшилъ удовлетво- рить.

Вѣкъ воробьиный не такъ чтобы очень дологъ, — думалъ онъ, — пало торопиться. А то, пожалуй, ничего не успѣешь ни узнать, ни сдѣ- лать, это нехорошо. —

Итакъ, усиленно взмахивая еще слабыми крыльями, попискивая и попрыгивая, онъ старался не упустить ни одного мига жизни и, накло- няя голову то направо, то налево, слушалъ все, что говорилось кру- гомъ, и, тараща глаза, старался побольше увидеть и лучше раземо- трѣть, и рѣшительно всюду совалъ свой короткій носъ, часто туда, куда бы вовсе и не слѣдовало.

— И всюду лѣзеть, и всюду пачкаетъ, — ворчала иногда горничная Даша, убирая за нимъ. — И какой шустрый! Я такихъ воробьевъ сроду и не видывала: ничего-то, ничего, какъ есть, не боится. —

Она, впрочемъ, ворчала больше по привычкѣ, такъ какъ была вообще очень жалостлива ко всякой твари, а Пика, какъ и все въ домѣ, прямо полюбила.

Когда Пикъ научился летать, мать спросила его, что онъ думаетъ дѣлать дальше? Братья и сестры все уже о себѣ подумали.

— А я, по правдѣ сказать, нѣтъ, — сознался Пикъ. — Я буду продол- жать жить, вотъ и все!

— То есть, какъ это, вотъ и все? У людей въ клѣткѣ?

— Причемъ тутъ клѣтка? Вы знаете, что съ тѣхъ поръ, какъ я научился летать, я свободенъ, и могу съ большей легкостью разрѣ-

шать тѣ важные жизненные вопросы, которые меня такъ интересуютъ. Вотъ мой другъ аистъ говорить тоже...

— А ты успѣлъ уже сдружиться съ аистомъ, поздравляю! Но неужели мой вопросъ: что ты думаешь предпринять дальше, не кажется тебѣ однимъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ жизни?

— За аистомъ я давно наблюдаю, онъ мнѣ очень нравится, а вчера, послѣ долгой бесѣды, онъ мнѣ нѣсколько разъ сказалъ: „мой маленький другъ!“

— Посмотрите, онъ даже не слышитъ моего вопроса, такъ ушелъ весь въ воспоминаніе объ аистѣ. Ну, съ кѣмъ ты еще сошелся? Кажется, со всѣмъ міромъ, только не со своимъ братомъ воробьемъ.

— Нѣтъ, я и съ воробьями очень легко схожусь, только, мнѣ кажется, міръ Божій такъ великъ и прекрасенъ, что не для чего его нарочно суживать и закрывать глаза на всю красоту.

— Говори проще. И такъ, ты ничего не рѣшилъ насчетъ твоей дальнѣйшей судьбы?

— Нѣтъ, жизнь сама мнѣ укажетъ всегда, что дѣлать. Я живу и учусь, и такъ будетъ дальше.

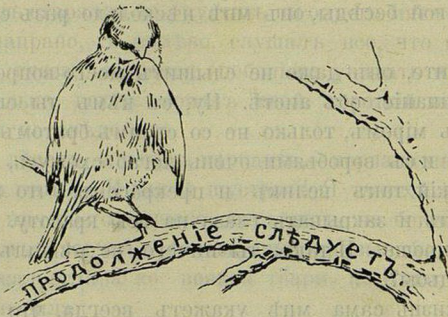
И Пикъ нѣсколько разъ кикнулъ по песку дорожки, хотя тамъ ровно ничего не было.

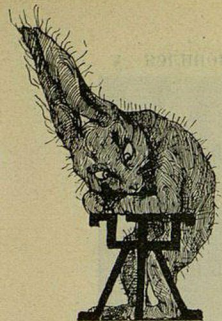
— Ну, какъ знаешь. Я и отецъ, мы, конечно, не можемъ не интересоваться тобой, но, разъ что у тебя выросли крылья,—ты взрослый, и самъ за себя рѣшаешь.—Съ этимъ воробиха улетѣла.

— Да, я взрослый, — думалъ Пикъ, — и пока рѣшаю, что буду каж-

дый день возвращаться къ людямъ и ночевать у нихъ: я не могу забыть восторга дѣвочки, когда я тогда вернулся вечеромъ послѣ первой долгой отлучки.

М. С. Безобразова.

Сказка о Медвѣдѣ, трехъ сестрахъ и Зайчикѣ Иванычѣ.

ИЛЪ-БЫЛЪ человекъ, а у человекъ были три дочери, — три дѣвочки, какъ одна, красавицы и шустрья-прешустрия, не знали надъ собой страха.

Старшую звали Дарьей, среднюю Марьей, а меньшую Агафьей.

Изба ихъ стояла у лѣса. И лѣсъ былъ такой громадный, такой частый, — не пройти по немъ, не проѣхать.

День-деньской безъ умолку шумѣлъ лѣсъ, шелестѣлъ свои пѣсни, а придетъ ночь, загорятся звѣзды, и онъ въ звѣздахъ, какъ царь, онъ гудитъ грозно и волнуется.

Много разныхъ страховъ водилось въ лѣсу, а сестрамъ любо: забѣгутъ куда — аукаютъ, передразниваютъ птичекъ, и въ домъ, хоть тресни, не загонишь до ночи.

Такія ужъ веселыя, такія проворныя, такія безстрашныя.

Какъ-то старшая Дарья мела избу, свалился клубокъ съ полки, покатился по полу, да за дверь. Схватила Дарья, взялась клубокъ догонять. А клубокъ катится, закатился въ лѣсъ, пошелъ по кочкамъ

скакать, по хворосту, привелъ въ самую чащу и остановился у берлоги.

А изъ берлоги Медвѣдь, тутъ-какъ-тутъ.

Какъ увидѣлъ Медвѣдь Дарью, зубы оскалилъ, высунулъ красный языкъ, вытянулъ лапы съ когтями и говоритъ:

— Хочешь моей женой быть, а не то я тебя съѣмъ.

Согласилась Дарья. Осталась у Медвѣдя.

Вотъ живетъ она себѣ поживаетъ, ходитъ съ Медвѣдемъ по лѣсу, показываетъ ей Медвѣдь разныя диковинки.

У Медвѣдя теремъ. Въ терему три клѣти.

Раскрылъ Медвѣдь первую клѣть, а въ ней серебро рѣкой льется. Раскрылъ Медвѣдь вторую клѣть, а въ ней живая вода ключемъ бьетъ.

Медвѣдь говоритъ Дарьѣ:

— А третью клѣть я не покажу тебѣ, и ходить въ нее я не велю, а не то я тебя съѣмъ.

Цѣлый Божій день нѣтъ Медвѣдя, уйдетъ куда на добычу, а Дарью одну оставить.

Ходитъ Дарья у запретной клѣти, заглянуть, смерть хочется.

Сторожилъ клѣть Зайчикъ Иваычъ.

Пробовала Дарья съ нимъ разговоры разговаривать,—отмалчивается безхвостый,—хвостикъ Медвѣдь ему для примѣты отбѣлъ,—отмалчивается, поводитъ малиновымъ усомъ, жретъ малину.

И не разъ въ горячахъ пхала его Дарья по чемъ ни попало,

Медвѣдъ и Дарья.

таскала за серебряныя ушки. А какъ отляжетъ, примется его обнимать-цѣловать, а то и въ плясъ пустится. А Зайчику—потѣха, мяучить. И самъ когда-то гораздъ былъ, а теперь лапки того—не выходить.

Разъ Зайчикъ Иванычъ и прикурни на солнышкѣ, замѣтила Дарья, да въ клѣтъ. Отворила дверцу и чуть не убилась — въ глазахъ помутнѣло: въ огромной клѣтѣ кипѣло настоящее золото. Захотѣлось Дарьѣ потрогать золото, сунула она палець, а палець золотымъ сталъ.

Пришелъ Медвѣдь, принесъ малины. Съѣли за столъ. Пьютъ чай, Медвѣдь и говоритъ:

— Что это, Дарья, у тебя золотой палець?

— Да такъ себѣ, — отвѣчаетъ Дарья, — золотой сдѣлался.

Тутъ Медвѣдь всталъ изъ-за стола и съѣлъ Дарью, а косточки въ уголь бросилъ.

* * *

Тосковали сестры. Рыскали по лѣсу, по птичьимъ-по-синичьимъ кликали, звали сестрицу. Хоть бы тебѣ голосъ подала.

И годъ прошелъ и другой прошелъ. Ни духу, ни слуху.

Какъ-то середняя Марья подметала избу, сронила клубокъ. Покатился клубокъ. Пошла за нимъ Марья. Шла-шла, въ самую гущу забралась. Остановился клубокъ. Глядь Медвѣдь.

Всталъ на дыбы Медвѣдь, шелкнулъ зубами и говоритъ Марьѣ:

— Хочешь моею женою быть, а не то я тебя съѣмъ.

Марья и такъ и сякъ, да ничего не подѣлаешь, осталась у Медвѣдя.

Медвѣдъ и Марья.

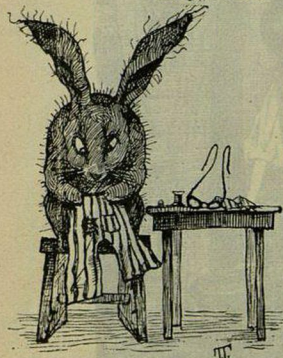
Медвѣдь ей всякое угожденіе оказываетъ, водить по лѣсу, деревья выворачиваетъ, медомъ пичкаетъ и всякія медвѣжки штуки выкидываетъ.

У Медвѣдя теремъ. Въ терему три клѣти.

Растворяетъ Медвѣдь клѣти. Глазѣтъ Марья на серебро и живую воду.

— А третью клѣть я не отворю тебѣ,—говоритъ Медвѣдь,—и ходить въ нее я не велю, а то я тебя съѣмъ.

Загрустила Марья, ума не приложитъ, какъ-бы такъ клѣть по-смотрѣть, чтобы Медвѣдь не узналъ. А тутъ этотъ Зайчикъ Иванычъ трется, глазъ не сводить. Подходила Марья къ Зайчику, щекотала ему малиновый усъ, а онъ и въ усъ не дуесть: мяучить себѣ по заячьему, ни слова путнаго.

Выбѣжалъ однажды Зайчикъ Иванычъ на закатъ полюбоваться, а Марья бухъ въ клѣть. А какъ взглянула, остолбенѣла вся, да и ткни палець въ золото, и тотчасъ палець золотымъ сталъ. Охала и ахала Марья: какъ быть, увидитъ Медвѣдь—съѣсть живьемъ. Побѣжала къ Зайчику. Сидѣлъ Зайчикъ Иванычъ, напѣвалъ себѣ подъ носъ, штаны чинилъ. Обрадовалась Марья, выхватила у Зайчика заплатку и перевязала себѣ палець.

Вотъ пришелъ Медвѣдь, приволокъ разныхъ разностей полонъ коробъ. Съли за столъ.

-- Что это у тебя, Марья, съ пальцемъ такое? — спрашиваетъ Медвѣдь.

— Ничего, — говоритъ Марья, — набередила чѣмъ-то, вотъ и обвя-зала его тряпочкой.

— Давай вылѣчу.

Поднялся Медвѣдь, развязалъ тряпку. А подъ тряпкой золотой палець.

Тутъ, не говоря худого слова, съѣлъ Медвѣдь Марью, а косточки въ уголь бросилъ.

* * *

Убивалась Агафья.

— Сестры, сестрицы мои родимыя! — куковала она по кукушечьи.

А ихъ и слѣдъ простылъ.

Только лѣсъ шумить, шелестить царь-лѣсъ.

Такъ годъ прошелъ и другой прошелъ. Нѣтъ сестеръ.

Какъ-то подметала Агафья полъ, скатился клубокъ, покатился въ лѣсъ. Шла Агафья за клубкомъ, шла, какъ сестры, вплоть до самой берлоги.

Выскочилъ Медвѣдь, зарычалъ, ошетинился и говоритъ Агафѣ:

— Хочешь моей женой быть, а не то я тебя съѣмъ.

Не сразу далась Агафья, заупрямилась. Диву дался Медвѣдь и полюбилъ еще пуще всѣхъ сестеръ. Ходитъ косматый по лѣсу, собираетъ цвѣты, вѣнки плететь. А пойдетъ съ Агафѣей гулять, про

всякую травку ей рассказываетъ, всякія берложныя хитрости выкладываетъ. А то ляжетъ на спину, перекатывается, пѣсни медвѣжьи поетъ. Зайчику въ знакъ своего удовольствія мордочку медомъ вымазаль.

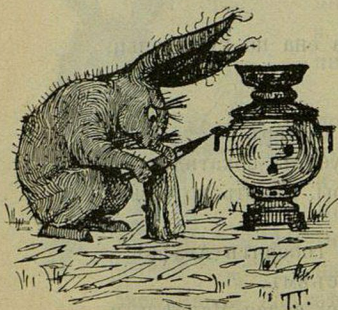
У Медвѣдя теремъ. Въ терему три клѣти.

Все показалъ Медвѣдь и серебро и живую воду, а въ третью клѣть не повелъ.

— И ходить въ нее я тебѣ не велю, а не то я тебя съѣмъ.

— Съѣмъ! Съѣлъ одинъ такой! — фыркнула Агафья, а сама думаетъ, какъ-бы этакъ Медвѣдя провести.

А Зайчикъ Иванычъ мигаетъ ей глазомъ. Зайчикъ Иванычъ души въ ней не чаялъ.

Бывало, уйдетъ Медвѣдь, а Агафья къ Зайчику:

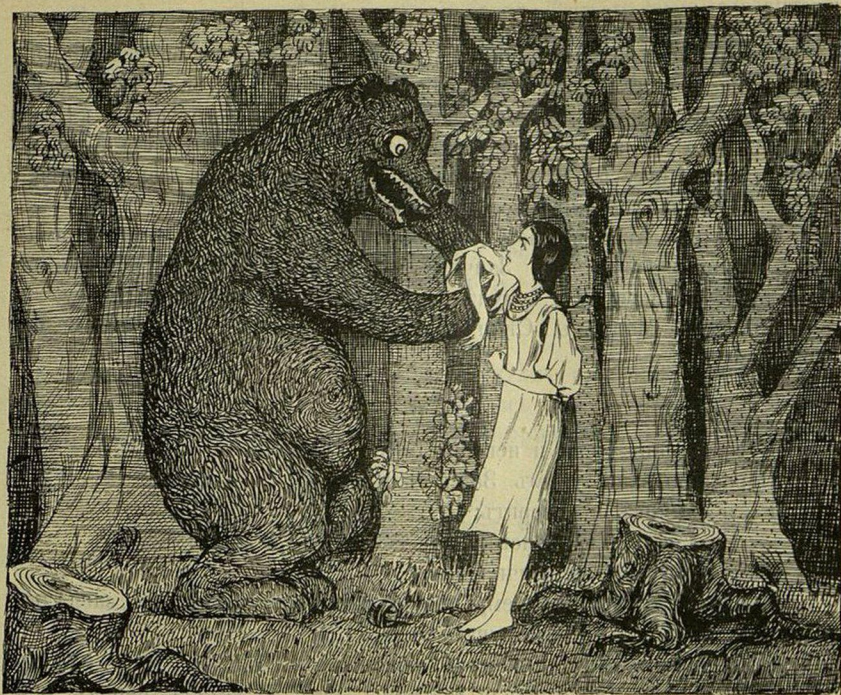
— Зайчикъ, зайишка, научи меня, сѣренькій, какъ быть, чую, погибли мои сестры, погибну и я: заѣсть меня Медвѣдь.

А Зайчикъ Иванычъ подопрется лапкой п лопочеть что-то по своему.

Такъ проводили они дни: сядуть гдѣ на крылечкѣ и сидятъ рядкомъ, горе горюють.

Разъ Зайчикъ лучину щепаль, самоваръ пить собирались.

А какъ приметя Зайчикъ что дѣлать, такъ ужъ на цѣлый годъ надѣлаеть, такая ужъ повадка у него была.

Медвѣдъ и Агафья.

Такъ и теперь весь дворъ лучинкой закидалъ.

Агафья подсобляла Зайчику, и вдругъ такая тоска на нее нашла, свѣту не взвидѣла, пошла бродить по терему. Постояла, поплакала надъ костями сестеръ, да съ отчаянiя туркнулась въ запретную клѣть. И ослѣпило ее золото, закружило голову, да не сплеховала Агафья: опустила лучинку въ золото. А вынула—лучинка, какъ жарь, горить.

— Сестры, сестрицы мои родимыя!

Запрятала Агафья золотую лучинку въ красный сафьяновый башмачекъ, отдала башмачекъ Зайчику, а Зайчикъ пошелъ въ погребъ за молокомъ, да дорогой и сунулъ башмачекъ въ свою старую норку.

Пришелъ Медвѣдь. Съли брагу пить. И все честь честью, по хорошему.

* * *

И снова дни тоски и неволи. Тоски и неволи.

Пораскидывали умомъ Зайчикъ Иванычъ съ Агафьей.

Разъ Зайчикъ и говорить:

— Не умѣю я по человѣчьему сказывать, а то бы сказалъ.

Тѣмъ разговоръ и кончился.

Бродить Агафья по терему, плачетъ надъ костями сестеръ, заглядываетъ то въ одну, то въ другую клѣть.

И пришла ей мысль счастье попробовать. Набрала она полонъ ротъ живой воды, вспрыснула сестрицы кости. И встала передъ ней Марья жива-живехонька.

Что дѣлать, куда дѣваться. Къ зайчику. Такъ и такъ, говорить. Хорошо, говорить, зайчикъ, сію минуту. Взялъ зайчикъ Марью за руку, да въ дупло и запряталъ, а самъ нанесъ ей туда грушъ да яблоковъ и всякаго печеня. И дѣло съ концомъ.

Пришелъ Медвѣдь. Сталъ къ Агафѣ ластиться. А Агафя и говорить:

— Рычунъ, мой рычунъ, сдѣлай ты мнѣ, что я тебя попрошу.

— А ты напередъ скажи, что тебѣ сдѣлать, а то ты, можетъ, третью клетъ посмотрѣть хочешь, такъ я тебя съѣмъ.

— Батя мой завтра именинникъ, хочу пироговъ ему испечь, а ты снеси.

— Это можно, пеки.

Обрадовалась Агафя, опретью на кухню пустилась, тѣсто готовить. Изготовила тѣсто, пироги принялась печь. Испекла пироги. взяла мѣшокъ, посадила въ мѣшокъ Марью, покрыла Марью пирогами. И готово дѣло.

Говоритъ Агафя Марѣ:

— Сядетъ Медвѣдь посидѣть, станетъ мѣшокъ развязывать, а ты и скажи:

Не садись, муженекъ.

На пенекъ,—

Все вижу,

Все слышу.

Чуть только солнышко взошло, взвалилъ Медвѣдь мѣшокъ на плечо да въ путь-дорогу пустился.

Полднемъ вздумалось Медвѣдю поотдохнуть маленько, свалилъ онъ мѣшокъ на землю, сталъ развязывать.

Не садись, муженекъ,
На пенекъ,—
Все вижу,
Все слышу.

— какъ закричить Марья.

Вскочилъ Медвѣдь, повелъ ухомъ.

— Ишь,—подумаль,—и голосъ же у моей Агафьи, все видитъ, и съестъ тебѣ не полагается.

Пустился дальше. А какъ добѣжалъ до избы, шваркнулъ мѣшокъ у калитки, да во все лопатки домой обратно.

Долго ли, коротко ли, немного не мало, а годъ, другой прошелъ.

Вспрыснула Агафья сестрины кости, встала передъ ней Дарья жива-живехонка. Тутъ опять къ зайчику. Заперъ зайчикъ Дарью въ чуланъ.

Вечеромъ приступила Агафья къ Медвѣдю:

— Мамушка моя именинница, испеку я ей пироговъ для дня ангела, снеси ты ихъ, косолапушка.

А сама Дарьѣ шепнула:

— Какъ разсядется Медвѣдь, ты ему крикни:

Не садись, муженекъ,
На пенекъ,—
Все вижу,
Все слышу.

Такъ все и случилось. Съѣлъ было Медвѣдь посидѣть, сталъ мѣшокъ развязывать, вдругъ услышалъ голосъ, оторопѣлъ, да въ путь. А какъ добѣжалъ до калитки, брякнулъ мѣшокъ, и домой во-свои.

* * *

И снова дни тоски и неволи. Тоски и неволи.

— Зайчикъ, зайныка, научи меня, сѣренькій, что мнѣ дѣлать, не могу больше у Медвѣдя жить, хочу къ сестрамъ.

А Зайчикъ Иванычъ и радъ бы что посовѣтывать, да сказать то ничего не можетъ. А ужъ такъ привязался, такъ привязался къ Агафѣѣ, на шагъ отъ себя не отпускаетъ. Прямо влипъ.

Что наработалъ за долгую зиму, все ей отдалъ, какіе бисерные кошельки понанизалъ, все ей отдалъ. Лѣтось къ Медвѣжьему дядѣ за тридевять земель скакалъ, выпросилъ у стараго хрустальную туфельку да жемчуговъ горетку, — все ей отдалъ.

Подошла весна. И когда зачирикали птички и полѣзли изъ почекъ листочки, чтобы на свѣтъ посмотреѣть, сказала Агафья Зайчику.

— Ну, Зайчикъ Иванычъ, придумала я одну штуку, теперь уйду отъ Медвѣдя.

Насупился Зайчикъ.

А Медвѣдь спрашиваетъ.

— Что ты, красавушка, что ты такая веселая?

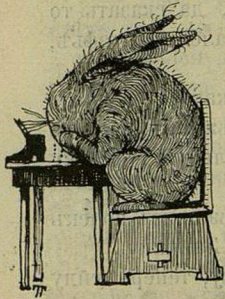
— А какъ мнѣ не веселой быть, батю съ мамушкой во снѣ видѣла, испеку имъ пироговъ, отправлю завтра гостинцу. Ты еще дрыхнуть

будешь, а я затворюсь въ терему, подымусь на вышку, буду слѣдить за тобой, какъ въ путь тронешься, буду пѣсни пѣть. Слышишь, ты не зови меня, я одна останусь, буду слѣдить за тобой, буду пѣсни пѣть.

Легъ медвѣдь спать спозаранку. Испекла Агафья пироговъ, позвала Зайчика:

— Прощай Зайчикъ Иванычъ, прощай, миленькій.

Насутился Зайчикъ, не пускаетъ, уцѣпилъ лапками за передникъ, а на глазахъ слезы.

И прокоротали они вдвоемъ послѣднюю ночь. Разказывалъ ей Зайчикъ свою заячью повѣсть, какъ Медвѣдь выгналъ его изъ родимой норки, какъ пришибъ зайчиху, какъ помирала покойница.

И плакалъ Зайчикъ Иванычъ, и о какихъ-то лисятахъ сквозь слезы поминалъ... онъ ли ихъ съѣлъ, они ли дѣтей его слопаи, понять мудрено.

На развѣтъ юркнула Агафья въ мѣшокъ, обложила пирогами. Отнесъ Зайчикъ Иванычъ мѣшокъ къ берлогу, заперъ теремъ, а самъ съѣлъ на крылечкѣ караулъ держать.

И когда Медвѣдь съ своей ношей скрылся изъ глазъ, запрятался Зайчикъ Иванычъ въ свою старую норку, вынулъ изъ кованнаго ларчика красный сафьяновый башмачекъ, поставилъ къ себѣ на столикъ и залился горькими слезами:

— Сестры, сестрицы мои родимыя!

А Медвѣдь шель-шелъ, задумалъ присѣсть, развязалъ мѣшокъ.

Не садись, муженекъ,
На пенекъ, —
Все вижу,
Все слышу.

— закричала Агафья.

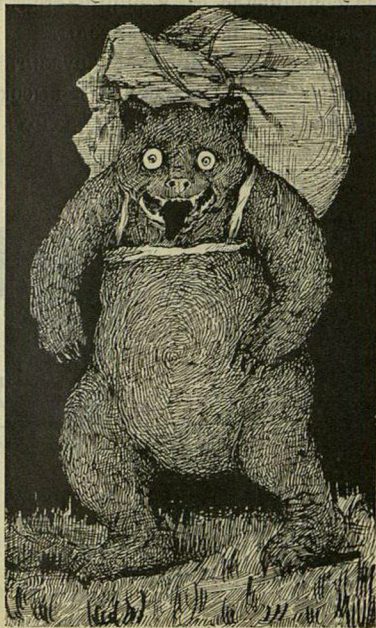
— Слышу, слышу! — рывкнулъ Медвѣдь отъ радости благимъ матомъ и во всю прыть дальше помчался.

А какъ добѣжалъ до калитки, шлепнулъ мѣшокъ, и однимъ духомъ обратно.

То-то радость была. Снова вмѣстѣ всѣ трое, три сестры — красавицы. Пошли распросы, да рожасны, ну и все такое, пятое-десятое.

До полночи глазъ не сомкнули.

А въ полночь весь въ звѣздахъ, какъ царь, загудѣлъ лѣсъ грозно заволновался. И поднялась такая страшная буря, изба ходуномъ пошла, срывало ставни, дубастило

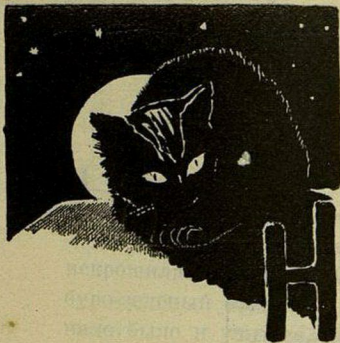

въ крышу, а вѣковыя деревья, какъ былинку, къ землѣ пригибало и выворачивало съ корнями столѣтніе дубы и подбрасывало великановъ вверхъ, къ небу, за звѣзды.

Это онъ—Медвѣдь кружилъ и ломалъ берлогу, сворачивалъ бревна, разбрасывалъ по щепкамъ высокій теремъ. И чуть только свѣтъ задымился на небѣ, Медвѣдь издохъ отъ тоски.

Алексѣй Ремизовъ.

Ночь и день.

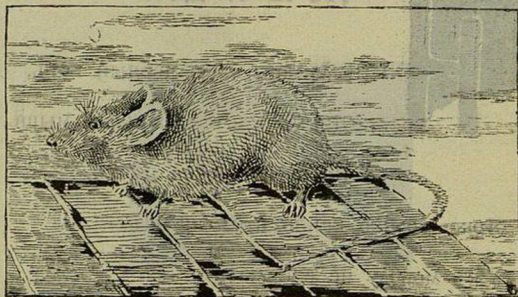
НОЧЬ зимой, какъ черный котъ,
День,—какъ сѣренькая мышь,
Но весна, весна идетъ,
Ярко, звонко каплетъ съ крышъ.
Ужъ морозу не сдержатъ
Шумной радости ручьевъ,
Стали птицы прилетать,
Звонче щебетъ воробьевъ.
Исчезаютъ тьма и тишь,

И теперь наоборот:

Ночь, как сѣренькая мышь,

День — большой, блестящій котъ.

Allegro

Переселеніе.

БЫЛА весна. Въ воздухѣ, пропитанномъ сыростью, звенѣли и застывали звуки. Надулась и посинѣла рѣка. Дорога испортилась, искрошилась, потемнѣла, покрылась ручейками, а у деревьевъ появился бурозеленый оттѣнокъ. Для меня наступило самое неспокойное время: надо было и учиться, и хотѣлось все видѣть и слышать. Если бы не добрыйшій Иванъ Семеновичъ, мой другъ и преподаватель, студентъ естественнаго факультета, я непременно забросилъ бы все занятія, но, къ счастью, онъ умѣлъ меня направлять. Онъ предложилъ на часъ раньше вставать и ложиться часомъ позже и, благодаря этому, добрыхъ четыре, пять часовъ мы имѣли возможность проводить въ прогулкахъ и охотѣ, къ которой я начиналъ чувствовать страсть, хотя ружья мнѣ еще не давали. Для меня пока достаточно было сопровождать Ивана Семеновича въ его путешествіяхъ въ разныя деревни, около которыхъ находились болота съ дичью. Мы посѣщали по дорогѣ всѣхъ его друзей-крестьянъ, они въ свою очередь приходили къ намъ. Въ понедельникъ утромъ только что мы напились чаю, какъ прислуга Вѣра доложила о приходѣ Ивана и Паромона изъ Староселья.

— Тѣ самые, что переселяются въ Сибирь,—пояснила она.

— Зови, зови,—радостно воскликнулъ Иванъ Семеновичъ, и заходилъ, почти забѣгаль по комнатѣ, забывъ, что только что передъ этимъ хотѣлъ рассказать мнѣ что то интересное.

Я смотрѣлъ въ окно и думалъ: „переселяются въ Сибирь, легко и просто это сказать“.

Вдалекѣ послышался громкій, но медленный топотъ тяжелыхъ ногъ, и вскорѣ въ дверяхъ показались оба крестьянина. Одинъ былъ повеселѣе и подобродушнѣе, другой выглядѣлъ хмурымъ и недовѣрчивымъ. Въ общемъ же они были похожи другъ на друга.

— Собираетесь? — спросилъ Иванъ Семеновичъ.—Счастливичики! Сибирь повидаете.

— Да ужъ, все готово. Ходоки ужъ поѣхали въ Сибирь, скоро вернутся. Ну, и благодать и благодать, сказываютъ люди, — говорилъ Иванъ, у котораго лицо превратилось въ одну сплошную улыбку.

— Не всякому слуху вѣрь. Налетишь на комариное царство или на такое мѣсто, гдѣ рожь не родится.—Парамонъ смотрѣлъ серьезно, озабоченно и недовольно.

— Чего ужъ,—въ прежнемъ тонѣ продолжалъ Иванъ.—Бхаль, значить, кумъ Степанъ Горшковъ, ты его знаешь, отъ Челябинска съ собственникомъ. Тотъ къ себѣ зазвалъ. Подъ усадьбою, слышь, десять десятинъ, амбаровъ пять, садъ огромный, а въ домѣ, какъ у купца.

— Мы, значить, къ тебѣ, — перебилъ Парамонъ, обращаясь къ Ивану Семеновичу. — Передъ отъѣздомъ посѣти насъ, ружьишко

возьми побаловаться. Ёдемъ въ городъ, такъ вотъ заѣхали. Прощай.--

— Они переселяются совсѣмъ?—спросилъ я, когда мужики вышли. —Оставляютъ домъ, землю? Найдутъ ли они тамъ счастье?

— Имъ только нужна земля, — отвѣтилъ Иванъ Семеновичъ. — Счастье мужика въ землѣ. Довольно ея, онъ сытъ, обутъ, имѣтъ нѣкоторый отдыхъ и счастливъ. Нѣтъ этого, онъ переселяется.— Иванъ Семеновичъ подбѣжалъ къ окну и привѣтливо закивалъ отъѣзжающимъ.

— Да, о чемъ это я собирался вамъ рассказать, когда пришли мужики? Да, вспомнилъ: о переселеніи. Я утверждаю, что то же замѣчается и въ мірѣ животныхъ. Среди птицъ, рыбъ, насѣкомыхъ происходитъ переселеніе такъ же, какъ и среди людей. Наши крестьяне, Иванъ, Парамонъ, переселяются въ Сибирь изъ за тѣсноты въ землѣ, птицы летятъ на югъ изъ за холода, летучія мыши не выносятъ свѣтлыхъ ночей въ жаркое лѣто, и поэтому зимуютъ на югѣ, а на сѣверъ возвращаются къ осени. Особая порода мышей переплываетъ быстрыя рѣчки, иногда топить суда и на дорогѣ истребляетъ стога сѣна. Значитъ, въ сущности, причиной переселенія и для людей и для животныхъ служить одно и то же: забота о хлѣбѣ и своемъ удобствѣ. Это и есть борьба за существованіе. Посмотримъ, какъ это выражается у животныхъ. Въ Америкѣ, напримѣръ, дикіе быки переселяются громадными стадами въ богатые луга, а осенью возвращаются на прежнее мѣсто. Киты, которыхъ считаютъ за рыбъ, между тѣмъ какъ у нихъ красная теплая

кровь и дыханіе происходитъ при посредствѣ легкихъ, поступаютъ точно такъ же въ зависимости отъ времени года и хода рыбы, т. е., лѣтомъ живутъ въ одномъ мѣстѣ, зимой—въ другомъ.

Иванъ Семеновичъ, быть можетъ, говорилъ бы такъ долго, если бы мимо оконъ не прошелъ крестьянинъ съ ружьемъ.

— Вотъ, забылъ совсѣмъ,—воскликнулъ мой преподаватель.—Вѣдь это же Микитычъ, и я ему назначилъ быть сегодня у себя. Микитычъ! Микитычъ! Прекрасный охотникъ, а главное, любитель животныхъ и природы.

Микитычъ былъ въ длинныхъ сапогахъ, въ клеенчатой курткѣ и съ двухстволкой. Видъ онъ имѣлъ очень невзрачный, курносый, съ плоскимъ лбомъ, и очень рѣдкой бородой. Глаза его выражали недоумѣніе. Онъ принадлежалъ къ числу людей, которые, зная многое, въ то же время все новое уясняютъ себѣ съ трудомъ.

— Никакъ у васъ были Старосельскіе? Ишь ты, и чего люди мечутся? Добро бы здѣсь плохо жилось.

— Переселяются.

— Да, да. Это я все хорошо знаю. Да, зачѣмъ, понять не могу?

Мы условились съ Микитычемъ, что, закусивъ, двинемся къ осиповымъ кустамъ, внутри которыхъ онъ видѣлъ утокъ. Для меня захватили бурку, вмѣсто подушекъ снопы соломы, и мы, посадивъ на козлы Микитыча, а въ ноги собаку, тронулись. Въ полѣ было холодно и дулъ сильный вѣтеръ. Большія водныя пространства справа и слѣва

оживлялись мелкою, частою рябью, на нихъ качались утки то по одиночкѣ, то стаями.

— Къ этимъ нечего пробовать и подбираться,— сказалъ Микитычъ. — строги, сейчасъ же улетятъ.—И дѣйствительно, утки при первыхъ же нашихъ попыткахъ приблизиться къ нимъ, быстро и съ шумомъ поднимались.

— Не понимаю, сказалъ Микитычъ, обернувшись къ намъ,—кто ихъ гонитъ изъ теплаго юга сюда на холодъ?

— Правда,— обратился я къ Ивану Семеновичу,—объясните мнѣ. Люди такъ хвалятъ югъ, такъ стремятся въ Крымъ, въ Ниццу, что намъ непонятно, какъ это птица можетъ летѣть сюда, да еще по доброй волѣ?

— Человѣка во многомъ съ животнымъ и сравнивать нельзя,— отвѣчалъ Иванъ Семеновичъ.—Вся наша жизнь искусственная. Мы ѣдемъ на югъ веселиться, лечиться и, если у насъ денегъ много, мы можемъ прожить тамъ всю жизнь. Птицы же на югѣ страшно скучаютъ, даже кукушка не кукуетъ и, въ противность привычкѣ, живетъ не одна, а проводитъ время въ стаяхъ. Это ихъ единственное удовольствіе.

— Скажите, пожалуйста! воскликнулъ Микитычъ. — Я этого до сихъ поръ не зналъ. Интересно!

Иванъ Семеновичъ взглянулъ на Микитыча и сказалъ:

— Вотъ за что я его люблю: каждымъ словомъ просто упи-
вается.

Птицы принимаются лѣтъ, — продолжалъ онъ, — только почувявъ, что скоро февраль, начало ихъ перелета. На югъ ихъ выгналъ холодъ, морозъ, а назадъ на родину пригнала любовь и тоска.

— Да, да, — зашепталъ растроганнымъ голосомъ Микитычъ, — животныя, а такія чувства. Умилительно до слезъ. И сколько она, бѣдная, за этотъ долгій путь натерпится. Вы только себѣ представьте эту высоту, да быстроту то эту полета, и какая опасность то ее ждетъ, случись судорога въ крылѣ, али нездоровье. И ни у кого то жалости къ изголодавшимся. А по дорогѣ, пока летятъ, всякій наровитъ ее подстрѣлить, даже на стоянкѣ, даже на водопоѣ. Нѣтъ, звѣри мы, звѣри!

Иноходецъ бѣжалъ, не торопясь, весело потряхивалъ головой, ни на минуту не замедляя хода, хотя особенно скоро не представлялось возможнымъ ѣхать: дорога была очень не гладка. Во время остано-вокъ, Микитычъ не разъ пытался подкрасться къ уткамъ, но тѣ или улетали или отплывали на противоположный берегъ. На укоръ Ивана Семеновича въ безсердечіи къ бѣднымъ уткамъ, онъ ссылался на охотничью страсть.

— А правда, что не всѣ птицы улетаютъ? Я вотъ замѣчалъ, тѣ, которыя питаются пауками, яичками, личинками, — синички и овсянки, не улетаютъ на зиму. Да, это, должно быть, правда, — говорилъ Микитычъ, полуобернувшись къ намъ.

— Правда. Вотъ еще чему подивитесь: даже среди квакушъ, которыя скоро намъ ужасно надоѣдятъ, происходитъ переселеніе въ

сырья мѣста; переселяясь; они иногда проходятъ большія разстоянія. Вѣдь это же удивительно... А угорь? Я вамъ сейчасъ нарисую эту картину, я ее какъ живо себѣ представляю. Лунная почъ. Вдругъ рѣчной угорь высовываетъ свою мордочку изъ воды, оглядывается по сторонамъ и выплываетъ на берегъ. Невдалекѣ очень любимое имъ гороховое поле. Вотъ этотъ бродяга начинаетъ ловить насѣкомыхъ, червей, улитокъ.

Отъ удивленія Микитычъ натянулъ вожжи и остановился.

— Какъ? Да это выходитъ то же самое, какъ если бы я съ суши, да въ воду полѣзъ.

Всѣ разсмѣялись.

— Чудны дѣла твои, Господи,—произнесъ онъ.

Мы только что хотѣли двинуться, какъ услышали стройное монашеское пѣніе.

— Никакъ покойника несутъ? — спросилъ Микитычъ и снялъ шапку.

Изъ за бугра показалась группа крестьянокъ съ котомками, и палочками въ рукахъ. Впереди шла женщина среднихъ лѣтъ съ бронзовымъ лицомъ и веселыми глазами.

— Куда и откуда? — крикнулъ имъ Микитычъ.

— Въ Кіевъ, милый, а идемъ мы изъ подъ самаго Саратова.

— Эхъ,—сказалъ Микитычъ,—что ежели намъ пристроить тутъ котелокъ, заварить чайку и ихъ сердешныхъ напоить. Лѣсокъ вотъ онъ, воды хоть отбавляй.

Крестьянки съели и разговорились. Онъ путешествовали такъ каждую весну.

— И все я, я это ихъ всёхъ подбиваю,—говорила женщина съ бронзовымъ лицомъ.—Нѣту моей моченьки. Какъ это въ воздухѣ по-свѣтлѣеть, оживуть птицы, загромыхаютъ ручьи, словно что во мнѣ оборвется и душно такъ станетъ. Воздуху, простору захочется. Пойдемте, милыя, запрошу я.

— Скажи, пожалуйста, чудно. А какъ же насчетъ ѣды?

— Христовымъ именемъ вею дорогу. Отказа нѣтъ.—

Распростившись съ бабами, мы перевалили линію желѣзной дороги, и передъ нами открылась прекрасная картина. Подъ бугромъ, опоясанное еще полоскою потемнѣвшаго, поздреватаго снѣга, темнымъ пятномъ отъ тѣни сосѣдняго лѣса раскинулось озеро, въ которомъ лѣсъ со всеми своими оттѣнками отражался, какъ въ зеркалѣ. Рѣдкій, казавшійся сухимъ и мертвымъ, онъ все же былъ прекрасенъ и въ своей зимней рубашкѣ. Какой-то спокойною прелестью вѣяло отъ него. Это мѣсто мнѣ казалось знакомымъ. Здѣсь когда то я бывалъ.

— Кажется близко и Староселье?

— А гдѣ же твои утки?—засмѣялся Иванъ Семеновичъ.

Мы оглядѣлись во все стороны, посмотрѣли на Микитыча и расхохотались какъ надъ нимъ, такъ и надъ собою. Весною утокъ вездѣ бываетъ видимо-невидимо, онъ садятся на самое короткое время и ихъ одинаково трудно убить какъ въ полѣ, такъ и въ лѣсу.

— Улетѣли,— сконфуженно произнесъ Микитычъ.

Иванъ Семеновичъ предложилъ ѣхать въ Староселье.

— Нѣтъ, я все же погляжу въ лѣсу, я погляжу, — упрямился Микитычъ, спрыгнулъ и зашлепалъ по сырой землѣ. Вода между деревьевъ стояла очень высоко и онъ дальше опушки не могъ идти. Мы видѣли, что онъ что-то разглядывалъ, вертѣлся долго у одного дерева, зачѣмъ-то снималъ шапку, что-то въ нее положилъ и тогда только подошелъ.

— Понять никакъ не могу,— говорилъ онъ.— Мохъ не мохъ, паутина не паутина.

И показавъ прядь коричневыхъ волосковъ, спутанныхъ, какъ шиньонъ.

— Это, такъ сказать, одѣяло гусеницы шелкопрядъ, — пояснилъ Иванъ Семеновичъ.— Интересная гусеница. Когда она переселяется, то одна штука идетъ непременно впередъ, какъ полководецъ, а другія, прикрѣпивъ голову къ хвостамъ нитями, слѣдуютъ рядами по три, по шести, по восьми штукъ. Разстройте ихъ ряды — это ничего, онѣ опять выстроятся.

— Премудрость Господня. Да не онѣ ли нашъ поѣздъ разъ оставили? Какъ онъ врѣзался въ ихъ полчища, такъ колеса и начали вертѣться на одномъ мѣстѣ.

— Это, вѣроятно, была гусеница капустницы.

По мѣрѣ того, какъ становилось темнѣе, надъ нашими головами чаще и чаще слышалось то рѣдкое хлопанье крыльевъ, то свистъ, то

далекое, неясное, горловое гоготанье. Микитычъ приходилъ въ восторгъ, умиленіе и недоумѣніе.

— Кто же это гогочетъ? Летитъ ночью птица, которая боится своихъ враговъ изъ птицъ же. Говорятъ, инья не спятъ все время перелета. Правда это?

На этотъ разъ Иванъ Семеновичъ молчалъ. Зная его поэтическую натуру, я догадывался, что въ эту минуту онъ, вѣроятно, восторгается звѣзднымъ небомъ, глубокимъ и далекимъ, просторомъ, окружающей прохладой и свѣжестью. Впереди то блистала огонекъ, то скрывался. Запахло жильемъ, залаяли собаки.

— Безпремѣнно Староселье.—Микитычъ погналъ лошадь скорѣе.

Когда мы въѣхали на дворъ Парамона Корнилова, вдругъ стало темно и душнѣе, словно насъ закрыли одѣяломъ. вмѣсто постели гостепріимный хозяинъ могъ предложить намъ только пуки соломы, на нихъ мы и разлеглись. Я съ интересомъ разглядывалъ темную избу, по стѣнкамъ которой скользили тараканы. Узкое, корявое окно мрачно смотрѣло и плакало, плакало безъ конца. Самъ хозяинъ, не раздѣваясь, растянулся на лавкѣ. Кромѣ лавокъ и стола въ избѣ ничего не было. Баба Парамона съ дѣтьми и скорбью изъ проданной избы переселилась къ деверю.

— Небось жалко уѣзжать?—спросилъ Иванъ Семеновичъ.—Тоскливо тутъ у тебя. А кошку развѣ оставишь? Какъ, бѣдная, надрывается.

— Кошка по дому плачетъ... Брысь!.. Помаялись, — мрачно пробурчалъ Парамонъ. — Будя, косточки всѣ болятъ. Изъ за пяти цѣлко-

выхъ, забранныхъ впередъ зимою, лѣтомъ пашешь, рожь косишь, копна складываешь и все тебѣ на пеклѣ, безъ капли воды. Да что она? только пуще съ ей пьешь. Будя, набили горбъ.

Парамонъ тяжело вздохнулъ и задумался.

— А тамъ вправду хорошо? — спросилъ Микитычъ.

— Э-эхъ! Хорошо-ли, дурно, теперь поздно толковать. Домъ проданъ, земля въ общество отдана, съ долгами расквитался.

— А ежели да дѣло не наладится? Вернешься, а тутъ ни кола, ни двора? — нерѣшительно спросилъ Микитычъ и самъ, повидимому, испугался сказаннаго, потому что прибавилъ: — Богъ милостивъ.

Вошелъ Иванъ, и разговоръ сейчасъ же принялъ другой оборотъ. Онъ со свойственной ему безпечностью принялся болтать о своихъ планахъ съ увлеченіемъ и подробностями, даже не забыть сообщить, что беретъ съ собою собаку.

— Ужли-жъ? — удивился Микитычъ — Сибирской-то лайки чего лучше?

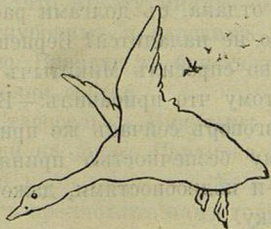
Но Иванъ не соглашался. По его словамъ, Шарикъ принесъ ему счастье: съ находкой его на льду, дѣла его приняли совѣмъ другой оборотъ.

Оживленіе Ивана на этотъ разъ было только напускное, всѣ это чувствовали и всѣмъ было тяжело. Вскорѣ водворилось тягостное, продолжительное молчаніе. Тускло, какъ бы изъ-за занавѣски, свѣтила лампа, отвратительно тоскливо рыдалъ котъ и плакало окно большими, рѣдкими тяжелыми каплями. Мнѣ тоже хотѣлось плакать.

— Ну, что Богъ пошлетъ,—прошепталъ Парамонъ, и веѣмъ сразу стало легче.

— Что Богъ пошлетъ,—весело и громко повторилъ Иванъ.

Д. Потъкинъ.

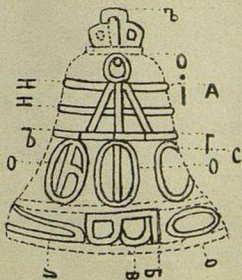

Рѣшеніе задачъ, помѣщенныхъ въ 6-мъ №.

Рѣшеніе ребуса № 5.

Почти всегда въ жизни за мрачной полосой и ужасами слѣдуютъ
ясная полоса и удача.

Рѣшеніе задачи буквъ въ фигурѣ №. 2.

Въ этомъ колоколѣ помѣщены буквы, составляющія имя: Иоаннъ
Богословъ.

Решение суда по делу № 10

Решение суда № 5

Постановление суда по делу № 10

Решение суда № 10

Решение суда по делу № 2

Решение суда по делу № 10

Решение суда № 10

Отъ конторы редакціи.

1. Рукописи, присылаемыя въ редакцію, должны быть четко написаны и снабжены подробнымъ адресомъ автора. Принимаемыя рукописи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются.

2. Лица, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, прилагаютъ 7-ми копѣчную марку для ответа.

3. Гг. подписчики, живущіе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначаютъ почтовое мѣсто, куда журналъ долженъ быть адресованъ. Ответственность за исправную доставку журнала вѣтъ почтовыхъ мѣстъ почтамытъ на себя не принимаетъ.

4. Заявленія о неполученіи номера адресуются непосредственно въ редакцію и не позже полученія слѣдующаго №.

5. Заявленія о перемѣнѣ адреса посылаются непосредственно въ редакцію, при чемъ необходимо указать и старый адресъ. При перемѣнѣ петербургскаго адреса на петербургскій или иногороднаго на иногородный уплачивается 20 коп., а при перемѣнѣ петербургскаго на иногородный или иногороднаго на петербургскій уплачивается 40 к.

Редакція открыта для личныхъ переговоровъ по субботамъ отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1906 ГОДЪ

на иллюстрированный дѣтскій журналъ

„ТРОПИНКА“

Выходить 1 п 15 каждаго мѣсяца книжками въ 2—3 печатныхъ листа и
предназначается для дѣтей среднего возраста.

Въ журналѣ будутъ помѣщаться повѣсти, рассказы, стихи, театральныя пьесы,
статьи научно-образовательнаго характера, ребусы, шарады и загадки.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: *Allegro*, М. С. Безобразова, З. Венгерова,
пр.-доц. А. Генкель, Т. Гиппиусъ, К. Ельцова, Е. Кавосъ-Зарудная, А. Коваленская,
проф. Н. Котляревскій, А. Курпинъ, К. Лукашевичъ, Д. Маминъ-Сибирякъ,
Н. Манасейна, М. Н. Мариульскъ, Д. Мережковскій, Л. Нелидова, Э. Пименова,
А. Ремизовъ, проф. М. Ростовцевъ, В. Успенскій, О. Химова, О. Чюмина и мн. др.

Цѣль и задачи журнала—развивать въ дѣтяхъ художественное чутье,
давать имъ занимательное и полезное чтеніе, включающее религіозный
и сказочный элементъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ пересылкой и доставкой 3 рубля, на
полгода 2 руб.

Подписка принимается въ конторѣ журнала и во всѣхъ
извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ; отдѣленіе конторы въ
Москвѣ при конт. Печковской, Петровск. лин.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ: С.-Петербургъ, Площадь Маріинскаго
Театра, 6.

Редакторы-издатели П. Соловьева и Н. Манасейна.